

С. Л. ФРАНК

**<Рец. на кн.:> Владимир Эрн. Философия
Джоберти**

Изд. «Путь». Москва. 1916. Стр. VI+351. Ц. 3 руб.

Исследование В. Ф. Эрна о философии Джоберти, — в отношении к которому его предыдущая книга о теории знания Розмини, по признанию самого автора, имеет значение лишь «исторического введения» — принадлежит, бесспорно, к числу интереснейших и самых значительных работ по истории философии не только в русской, но и в новейшей западной литературе. Достижения историко-философского знания всецело зависят от уровня систематического философского знания, от глубины подхода к философским проблемам *по существу*. Поэтому то углубление философской мысли, которое мы переживаем в настоящее время, необходимо ведет и к пересмотру историко-философских знаний, к открытию заново забытых или непонятных систем прошлого. Укажем лишь на два: начинающееся более глубокое понимание существа философии Платона, на открытие огромной систематической ценности философии Плотина, на такое же открытие великих мыслителей в составе средневековых философов, которые доселе тонули в бесформенно-смутном общем понятии «схоластиков», и т. п. Книга В. Ф. Эрна о философии Джоберти принадлежит именно к таким историко-философским открытиям, которые стали возможными лишь в силу широты философских горизонтов, раскрывающихся новейшему подъему философской мысли. В. Ф. Эрн в известном смысле впервые *открывает* философию Джоберти, мало кому вообще известную и еще менее оцененную. В лице Джоберти автор обнаруживает едва ли не величайшего представителя и родоначальника (для XIX века) того *онтологизма* и *антипсихологизма*, под знаком которого стоит — или, вернее,

к осуществлению которого стремится — новейшая философская мысль. Это открытие имеет отнюдь не один лишь исторический интерес: в лице Джоберти мы имеем, как убедительно показывает автор, не какого-либо робкого зачинателя наших нынешних, новейших идей, а мыслителя смелого и глубокого, сразу поднявшегося на такую высоту, на которую мы теперь только начинаем восходить. Для философского образования нет ничего вреднее самомнения текущего дня, наивной веры в беспрерывный прогресс науки, — веры, в силу которой последние новинки сегодняшней философии уже заранее кажутся значительнее и глубже всего, созданного ранее. Напротив, мы должны не только знать с точки зрения исторической ориентации наших предшественников, но и по существу *учиться* у таких мыслителей, как Платон, Плотин, бл. Августин и многие другие; и к таким необходимым наставникам современной философии после исследования В. Ф. Эрна, несомненно, должен быть причислен и Джоберти, глубина, основательность и сила мысли которого поистине поразительны.

Вместе с тем исследование В. Ф. Эрна имеет и большое историко-философское значение. Оно прекрасно показывает непрерывность и значительность *платонической* традиции в философии и может служить как бы ценной главой той, еще не написанной, *общей истории платонизма*, необходимость которой начинает теперь так остро ощущаться, опять-таки в связи с систематическими достижениями и проблемами новейшей философской мысли.

Блестяще написанная книга В. Ф. Эрна дает редкое и ценное сочетание горячего философского темперамента, личной внутренней заинтересованности автора в его теме с основательностью, трезвостью суждений и большой эрудицией. Недостаток большинства прежних философских выступлений автора — в которых именно страстность темперамента и односторонность философской позиции вредили справедливости оценок и искажали объективные перспективы — не чувствуется или почти не чувствуется в этой его работе. Лишь в одном пункте обнаруживается еще некоторая предвзятость автора: воспроизводя *умеренно-отрицательное* отношение Джоберти к немецкому послекантовскому идеализму, автор старается, с своей стороны, усилить этот антагонизм, по-прежнему давая этому идеализму (за вычетом Шеллинга) огульно-суммарную отрицательную оценку. Между тем эта оценка, бесспорно, в настоящее время устарела, и как раз с точки зрения онтологизма Джоберти было бы чрезвычайно важно уяснить пункты глубокого его сходства,

наприм<ер>, с позднейшим учением Фихте, раскрытым тоже лишь в наше время (учение Джоберти о различии между Сущим и существующим, преодоление психологизма и даже учение о творении имеет очень глубокие параллели себе в позднейшей системе Фихте).

Еще одно критическое замечание. Излагая глубокое учение Джоберти о «сверхразумном» начале, автор находит его источник лишь в Платоне. Конечно, Платон есть первоисточник этого учения, но у него оно едва намечено. Между тем это есть одно из главных учений *новоплатонизма* и в особенности центральный пункт системы Николая Кузанского (аргументация Джоберти почти буквально совпадает с учением Кузанского о *docta ignorantia*). Влияние *новоплатонизма* вообще и его первого систематического возрождения в новую эпоху у Николая Кузанского в частности на философию итальянского Возрождения (например, на Марсилио Фичино) несомненно; и здесь есть поэтому возможность прямой генетической связи с учением Джоберти, исследовать которую было бы весьма ценно. Но и помимо возможности чисто *генетической* связи ощущается, как некоторый пробел, отсутствие сопоставления учения Джоберти (в особенности идеи «универсальной диалектики» в последней его фазе) с общим философским течением супрарационализма (учением об «отрицательном богословии», «единстве противоположностей» и пр.). От этого более широкого освещения, быть может, несколько ослабело бы впечатление оригинальности философии Джоберти, но было бы, думается, еще яснее обнаружено ее истинно универсальное значение.

